Гермиона рухнула на стул в гостиной, настолько измученная, что едва ли обращала внимание на взгляды Сириуса и Ремуса. (Обожающие и любопытные одновременно: одним словом — раздражающие). снова в Хогсмиде. Мысли о сахарных перьях вызывали у нее слезы во рту, когда она думала о восхитительных сладостях. Ее родители перевернулись бы в гробу, если бы увидели, сколько конфет она покупает в «Сладком королевстве». Прошло слишком много времени с тех пор, как у нее были настоящие конфеты.

Ее усталое сновидение было прервано прибытием Лили. Она села рядом с Гермионой, аккуратно скрестив ноги, напомнив Гермионе о себе самой в ней… ну, за все годы, проведенные в Хогвартсе. — Как прошел репетитор, Гермиона? Они доставили тебе неприятности? По тону голоса Лили было ясно, что она ожидает неприятностей от группы, которой Гермиона помогала весь вечер.

Гермиона кивнула. «Да. Но как только они поняли, что я знаю, о чем говорю, они обратили внимание и проделали большую работу. Питер теперь на неделю впереди по Чарам, и все пятый и шестой год, которых профессор Флитвик попросил меня помочь, теперь готовы. Дата, близкая к ней или немного впереди. Так что для ночной работы это действительно неплохо».

Лили смотрела на Гермиону с некоторым благоговением. "Все они?"

Гермиона выглядела сбитой с толку, такое выражение не часто можно было увидеть на ее лице, по крайней мере, с тех пор, как она впервые узнала о тайном мире волшебников. «Да, все они. Некоторым потребовалось больше работы, чем другим, но все они, по крайней мере, сегодня на уровне «Приемлемо» для своей работы. Надеюсь, профессор Флитвик будет счастлив».

«Гермиона, я знаю многих этих мальчиков. И я знаю, что некоторые из них не делали уроки с четвертого года. Например… Крэбб. Или Гойл. Они семиклассники и глупее груды камней!»

Гермиона покачала головой. «Нет, это не так. Вероятно, им говорили это всю жизнь, главным образом потому, что в волшебном мире нет ни малейшего понятия о таких расстройствах, как дислексия. Иметь дислексию в волшебном мире еще хуже, потому что магия воздействует на их мозги и заставляет их даже Так как они не могли отличить правое от левого в юном возрасте, их называли глупыми, и, вероятно, они никогда сильно не уставали в школе, так как искренне верили, что они «глупее, чем груда камней». Однако, если вы знаете, как учить ученика с дислексией, он сможет быстро учиться и запоминать то, чему научился».

Лили выглядела слегка смущенной своими прежними предположениями. «Как вы узнали, что они дислектики?»

Гермиона была рада, что Лили смогла принять разногласия во мнениях. Это только повысило ее мнение о том, что женщина умерла за своего сына. «Ну, не все из них дислексики. Некоторые просто немного медлительны, как Питер. Им просто нужна практика один на один. Но я понял, что у Крэбба и Гойла дислексия, когда я попросил их читать. Это действительно самая большая проблема для них. ... Я знаю, как помочь человеку с дислексией, потому что

раньше обучал своего соседа, страдающего дислексией. Поэтому я просто адаптировал свои методы обучения, и они узнали все, что могли, за одну ночь».

В репетиторстве участвовало несколько слизеринцев, а также два гриффиндорца и несколько пуффендуйцев. Там были Регулус Блэк, Крэбб, Гойл, несколько младших слизеринцев и одна девочка, которая, как была уверена Гермиона, была матерью Пэнси. Там, конечно, был Питер, а также мальчик, подозрительно похожий на третьекурсника Рэйвенкло, которого она знала в своем измерении. Хаффлпаффцы были разношерстной группой, в которую входила Аманда Флеси, которая встречалась с Томасом Эбботом. Гермионе пришлось сдержать рыдание, когда она поняла, что они умерли в ее измерении. Другие пуффендуйцы не были связаны ни с кем, кого могла бы найти Гермиона.

Как только уроки закончились, Гермиона и Питер поспешили в библиотеку, чтобы установить. Питер нервничал и сказал Гермионе, что другие Мародеры возложат на него ответственность, если она пострадает. Она была немного тронута заботой мальчиков, но отшутилась, чтобы не беспокоить Питера. Первые ученики появились примерно в то время, когда профессор Флитвик приказал им быть там, но слизеринцы заметно отсутствовали примерно через десять минут после того, как она начала. Они вошли как группа, наглые и неуважительные, пока не увидели, как Питер идеально выполнил заклинание, над которым он работал, с первой попытки. Затем они начали обращать внимание, и когда Гермиона на вчерашнем уроке обучила Гойла и Крэбба почти до совершенства,

Хаффлпаффцам нужен был только маленький на одном задании, и Гермиона только быстро прошла с ними недельные уроки, пока они не вырвались вперед. Она заставила Питера и другого гриффиндорца делать домашнее задание с пуффендуйцами и Регулусом Блэком, которые насмехались над ней, но следовали ее инструкциям. Она усерднее работала с другими слизеринцами, в конце концов отправив мать Пэнси в группу Хаффлпаффа.

К концу ночи она устала, а Питер был в приподнятом настроении. Сеанс репетиторства прошел отлично, и мы уже планировали встретиться на следующей неделе. Гермионе захотелось оказаться в комнате, когда профессор Флитвик увидел, как Крэбб и Гойл выполнили домашнюю работу, которой они пренебрегали три года. Она была так счастлива, что не забыла взять с собой дорогие дикторские перья, которые были у нее в сумке, и быстро раздала их нуждающимся ученикам.

Той ночью Гермиона чуть не упала в постель с широкой улыбкой на лице и быстро уснула. Ее мечты были о более счастливых временах, об эпохе мира и счастья, лишь слегка омраченных страхом перед Волдемортом.

Хотя ее сон менялся, отражая разные стороны ее жизни, единственный, который она запомнила, был самым счастливым. Во сне это был их четвертый год, и она вместе с Гарри наблюдала за тем, как трое школьных чемпионов вели танец, с нетерпением ожидая возможности станцевать в его объятиях. Когда пришло время, они закрутились вместе, и он запечатлел легкий поцелуй на ее губах.

Гермиона проснулась, ее улыбка увяла, когда она вспомнила реальность Святочного бала.

Единственной частью сна, которая была реальной, была улыбка на лице Гарри, когда он увидел ее. Но это было до... до того, как ветры времени всколыхнули угли войны и довели нас до предела. До того, как страх за наши жизни стал нормальным, и до того, как я понял, что у меня никогда не было шансов с Гарри. Она зажмурилась, выбросила эту мысль из головы, повернулась на другой бок и заставила себя снова уснуть.

На следующее утро Гермиона проснулась от волнения. На следующий день была поездка в Хогсмид, и это был ее последний шанс до ноября получить то, что ей нужно для ее планов. Некоторым придется подождать до Рождества, но большинство из них можно было бы выполнить без Гарри.

Хорошее настроение Гермионы продлилось до завтрака, где ей напомнили о скорости и жестокости мельницы сплетен Хогвартса. Подойдя к своему месту, Гермиона почувствовала, как румянец начинает растекаться по ее лицу, что было прямым результатом шепота и намеков, которые последовали за ней к столу. Ее надвигающееся плохое настроение решилось, когда она услышала, как Сириус прошептал Ремусу, что ее румянец был милым, а затем обострилось, когда Ремус согласился.

Она положила голову на стол и повернулась, когда Лили толкнула ее в плечо. — Почему, во имя обвисшего правого Мерлина...

Лили зажала рукой рот Гермионы. «Дорогая, если ты хочешь дать эту клятву, делай это вдали от Сириуса и Джеймса. Поверь мне».

Гермиона посмотрела на девочку, потом на двух парней, о которых шла речь, и фыркнула. — Хорошо. Тогда почему, во имя Младенца Иисуса, уроки должны начинаться в девять? Сириус подавай мне кофе, Ремус, тост. Спасибо, — Гермиона положила много на тарелку, во всяком случае, хорошо для нее. Обмакивая тост в кофе, ее мать делала каждый день за завтраком, сколько себя помнила Гермиона. Это был ее способ оставаться рядом с матерью в течение долгих семестров Хогвартса.

Счастье этого воспоминания было омрачено, когда Гермиона вспомнила, что в ее временной линии ее родители даже не знали, что у них есть дочь. Если бы они были живы, это было. Если бы их не нашли.

Она последовала за своими друзьями в Трансфигурацию, желая увидеть, как МакГонагалл отреагирует на нее. Она была уверена, что Дамблдор рылся в ее сумке, когда увидела, что оберег лежит на ее чемодане. Она надеялась, что МакГонагалл не помогла ему, и надеялась, что сможет это определить по реакции женщины на нее. Она также с нетерпением ждала встречи с Сириусом в «Трансфигурации», главным образом потому, что он сказал Золотому трио, что в прошлом у него была «вещь» к МакГонагалл. Он флиртовал с ней, а она покраснела и задержала его.

Войдя в класс, она с удивлением увидела, что к ней подходят Крэбб и Гойл. Крэбб заговорил первым. «Гермиона? Мы хотим сказать вам спасибо. Профессор Флитвик был очень счастлив,

когда мы прошли тест сегодня. Это потому, что вы помогли нам. И Реджи сказал нам, сколько стоят перья, поэтому мы хотели дать вам деньги за « Эм." Крэбб гордо улыбался своей речи, и Голи дал ей небольшой мешок галеонов.

"Спасибо. Замечательно, что вы так хорошо справились с тестом! Отличная работа!" Оба мальчика улыбнулись, а Голье даже немного покраснел. Все подошли к своим местам, и Гермиона увидела, что рядом с Ремусом остался только один. Большой.

Урок был интересным, и на этот раз Гермиона не изучала его раньше. Они работали над созданием мебели, и к концу урока их попросили сделать стул и кофейный столик. Гермиона сделала белое мягкое кресло и хороший стеклянный журнальный столик. Следующим человеком, который управлял им, был Джеймс, который сделал флуоресцентное оранжевое кресло и зеленый стол с оранжевыми деталями. Сириус, Лили и Ремус закончили примерно в одно и то же время, и Гермиона помогала Питеру, а Лили помогала Доркас. Мэри и Доркас делали обычную мебель, но стул Питера был немного неровным. Вскоре после этого Элис и Фрэнк подняли стулья в круг, а Гермиона сотворила для них подставки для ног. Джеймс и Сириус предоставили свои тайники с конфетами, и Лили повторила это. Гермиона сделала кубки и вазу для цветов,

Остальной класс прекратил свою работу, чтобы посмотреть, как гриффиндорцы устраивают вечеринку в Трансфигурации. МакГонагал подошла, и они, затаив дыхание, смотрели, не накажут ли их. Вместо этого она давала им баллы за отличную Трансфигурацию.

После Трансфигурации у гриффиндорцев была история магии, которую все еще преподавал профессор Биннс, который уже был мертв. Гермиона была счастлива, обнаружив, что этот класс тоже был со слизеринцами, и села рядом с Северусом.

"Привет!" Гермиона немного запыхалась после перехода от Трансфигурации к Истории Магии. Один из тайных проходов, показанный ей Джеймсом и Сириусом, требовал бежать вверх по крутому склону, но это сократило время с восьми до пяти минут.

— Привет, — сказал Снейп, улыбаясь ей. "У тебя все нормально?" Его кожа казалась еще более желтоватой, чем обычно, а под глазами появились мешки. Гермиона могла видеть, как его руки трясутся от усталости, и легкий блеск его глаз, которые держали ее, что он волновался.

"Да, просто немного запыхался. Как жизнь лечит тебя?" Гермиона смотрела на него с искренним любопытством, что удивило Снейпа. Удивленный так сильно, что он решил отказаться от обычного «штрафа» или правды.

«Не очень хорошо. Я должен сделать большой ди-» Он мысленно выругался, когда профессор Биннс проплыл через доску, начав урок. Он тихо зарычал, схватив запасной кусок пергамента, чтобы написать на нем записку.

В ближайшее время мне предстоит принять важное решение. Тот, который может изменить всю мою жизнь, в лучшую или худшую сторону. Но загвоздка в том, что если я откажусь, у

меня будут большие неприятности. И я очень хочу сказать нет.

Он поднял глаза, чтобы передать его Гермионе, и увидел, что она делает заметки. Единственной, кто не спал в классе, была Лили, которая тоже делала заметки. Даже Ремус не обращал внимания, играя в волшебную версию игры «Виселица». Северус снова застонал, сопротивляясь искушению просто выбросить записку. Вместо этого он положил его на угол стола Гермионы, а затем опустил голову, чтобы весь класс заснул. Однако он мгновенно проснулся, увидев, как Гермиона положила кусок пергамента на его стол.

Дамблдор может защитить тебя. Я не его самый большой поклонник, но он силен. Если вы откажетесь, сможете ли вы остаться в Хогвартсе после выпуска и быть под защитой? Думаю, я знаю, что такое серьезное решение, и я знаю, что это неправильный выбор, и ты на самом деле не такой. ОН НЕ ПРАВ! Когда вы назвали Лили Эванс грязнокровкой, вам стало не по себе, верно? И ты мой друг, хоть я и маглорождённый.

Она была магглорожденной? Грязнокровка? Это было невозможно. По школе прямо сейчас ходили слухи, что она должна была происходить из очень могущественной волшебной семьи, чтобы обладать такой силой.

И что еще более важно: как она могла так много знать? Какими бы ни были ее методы, у нее были некоторые важные доводы, доводы, которые ему нужно было обсудить с ней как можно скорее.

Ты прав. Можем ли мы найти время, чтобы поговорить об этом только вдвоем? Я не думаю, что ты понимаешь, в каком я беспорядке, Гермиона.

Прошло всего несколько секунд, прежде чем она заметила пергамент и нацарапала ответ своим идеальным почерком.

Как насчет Хогсмида? Мы можем встретиться в «Трех метлах» и поговорить, ничего не подозревая. И я думаю, что понимаю твою ситуацию, Сев. Поверьте мне.

И как бы ему не было противно это признавать, он доверял ей. Ему казалось, что он может доверить ей свою жизнь.

ХОРОШО. Встретимся у ворот в 10?

Я согласен. Теперь обратите внимание, если вы хотите пройти тест в следующую пятницу. Я не собираюсь одалживать вам свои записи.

Северус поморщился, затем неохотно снова обратил внимание на профессора Биннса. Шли долгие полтора часа.

Той ночью Гермиона рано легла спать, погрузившись в то, что она про себя называла своим расслабляющим режимом. Она долго принимала ванну, надела пижаму, зажгла свечу из шалфея, зеленого чая и ванильную свечу и достала свой дневник.

Она решила, что продолжит вести дневник, а когда придет Гарри, даст ему отредактированную версию, чтобы он был в курсе последних событий. Она писала до поздней ночи, работая над ним так, словно писала письмо Гарри, точно так же, как она делала это с третьего курса, когда ей было так одиноко после того Рождества.

Дорогой Гарри,

Вы не поверите, что произошло. Ну, на самом деле вы бы поверили, но только потому, что это я вам рассказал. Я застрял в другом измерении. С твоими родителями! О, Гарри, они бы тебе понравились. Твоя мама такой замечательный человек. У нее самое большое сердце, и она просто великолепна! Она также полностью влюблена в твоего отца. Джеймс так похож на тебя, что иногда меня это пугает. Насколько я могу судить, он сильно повзрослел с пятого года. Он смелый, веселый и добрый. Несмотря на это, ты выглядишь как твой отец, но ведешь себя так же, как твоя мать. Она прекрасный слушатель и готова на все ради одного из своих друзей. На уроках она дает точные и полные ответы, иногда почти дословно то, что я думал. Сириус — очарователь, и, к сожалению, он пытается очаровать меня. Я люблю Сириуса, правда, но я отказываюсь иметь отношения с кем-то, кто раньше был на двадцать один год старше меня. То же самое касается Ремуса, который мне очень дорог, но начинает действовать мне на нервы. Питер застенчивый и, ну, хороший. Иногда я ловлю себя на том, что он мне нравится, прежде чем я вспомню, что он был одной из причин, по которой убили твоих родителей. Я изо всех сил стараюсь, чтобы временная шкала здесь сложилась по-другому.

Говоря об изменении линии времени, я также пытаюсь приблизиться к будущим Пожирателям Смерти. До сих пор у меня сложились осторожные дружеские отношения с Серверусом Снейпом, и я встречаюсь с ним завтра, чтобы попытаться убедить его не становиться Пожирателем Смерти. Я также обучал некоторых других будущих Пожирателей Смерти, а именно Крэбба, Гойла и Регулуса Блэка. Я в замешательстве, что делать с последним. Я надеюсь, что когда вы придете, вы сможете рассказать мне больше о хоркруксах, так как некоторые из них, возможно, еще не завершены. Пожелай мне удачи!

Хогвартс семидесятых годов такой разный! Единственный класс, который действительно такой же, это Трансфигурация. Гарри, ты бы так смеялся над выходками Сириуса в этом классе! Профессор МакГонагал такая забавная, когда пытается отразить ухаживания Бродяги. Пока что единственный настоящий глюк, это когда все увидели моего боггарта. От этого мне снились кошмары, от которых будили мои бедные соседи по общежитию. Гарри, я бы хотел, чтобы ты был там. Ты единственный, кто может по-настоящему утешить меня, когда мне снится кошмар. Помнишь, когда мы были только вдвоем в палатке?

Вы не поверите, что я сказал на днях группе сопливых девчонок. И поскольку вы, вероятно, никогда не будете это читать, я вам скажу. Я сказал им, что ты мой парень. И Гарри, как бы я хотел, чтобы это было правдой! Я очень по тебе скучаю. Это совсем не то лето, когда я беспокоюсь о том, как эти проклятые животные обращаются с тобой, потому что я знаю, что увижу тебя в сентябре. На этот раз я думаю, что увижу тебя в декабре, как раз к Рождеству, но

я не уверен. Я ненавижу это, не будучи уверенным. Обычно ты здесь, чтобы успокоить меня, но на этот раз нет.

Гарри, я хочу написать это сейчас. Рон рассказал мне, как на втором курсе ты ходил в больничное крыло, чтобы поговорить со мной. Я никогда не говорил тебе, что слышу тебя. И я также никогда не говорил тебе, что это помешало мне сойти с ума в собственной голове. Без ума от беспокойства, о василиске, о дневнике. В тот день я понял, что люблю тебя. Я также никогда не говорил тебе, что Невилл рассказал мне о том, как ты сломался в Департаменте Тайн, когда подумал, что я мертв. Мне было больно, но я смутно слышал тебя. И в этот момент я понял, что никогда не смогу любить никого, кроме тебя. И я надеюсь, что ты найдешь это, прочитаешь это и поймешь, что все странные вещи, которые я делал для тебя, были потому, что я любил тебя.

Так что, если ты заглянешь глубоко в свое сердце и узнаешь, что любишь меня только как сестру, скажи мне. Скажи мне, чтобы я не тратил остаток своей жизни на надежды. А теперь я запутался и отклонился далеко от того, что хотел написать. Я думаю, вы можете винить в этом гормоны; так сказал бы Рон, будь он здесь. Гарри, если бы ты мог видеть меня сейчас, ты был бы счастлив. Я питаюсь три раза в день и набираю вес. Я был палкой и остаюсь палкой, но на моих костях уже не видно борозд.

У меня есть стих, которым я хочу поделиться с вами, фраза, которая застряла у меня в голове с тех пор, как я приехал сюда.

Ветер времени и кузни войны — две вещи, которые старят человека быстрее, чем любые естественные причины. А пламя любви и свет счастья — две вещи, которые делают человека моложе любого зелья.

Я посмотрел в зеркало сегодня, прежде чем я принял ванну. Я была похожа на старуху. И я понял, что ветры времени иссушили мое тело, и что я прошел через кузницы войны, и был разогрет, и стерт, и остыл. И я выглядел так, как будто я был на этой земле в течение столетий. А потом я подумал о тебе. И мое лицо просветлело; Я выглядел на несколько лет моложе. Я думал о тебе и был счастлив, и от этого мне было всего семнадцать. Когда я закончил, я снова посмотрел в зеркало, и с одеждой я мог бы сойти за нормального, пока вы не видите мои глаза. Я знаю, почему они кажутся грустными и загадочными, но теперь я знаю, почему за мной гоняются все эти глупые мальчишки. Как выразился Сириус, я выгляжу таким потерянным, таким грустным, что любой мужчина захочет помочь мне, заставить меня снова улыбнуться.

И что самое печальное, я не думаю, что смогу снова улыбнуться, пока не увижу твое лицо. Я могу улыбаться Джеймсу и Лили, но не всем сердцем. Я хочу видеть ее глаза на его лице, и когда я этого не вижу, мне снова становится грустно.

Твоя навсегда,

Гермиона

http://tl.rulate.ru/book/79341/2397789